

Глава 29. Разбитое зеркало (2)

В комнате отдыха при кабинете президента Пэй Юй, сняв пиджак, полулежал на кровати. Вэнь Наньшу приложил бесконтактный термометр к его лбу и взглянул на табло — тридцать восемь и пять.

— Лежи, я схожу вниз за лекарствами.

Наньшу убрал термометр и уже собирался встать, но Пэй Юй внезапно перехватил его ладонь.

— ...Не уходи. Побудь со мной здесь.

Наньшу промолчал. Хэ Цзи, стоявший неподалеку, наблюдал за этой сценой с замиранием сердца. Мало того что он никогда не видел президента Пэя в таком уязвимом состоянии, так он ещё и всерьёз опасался, что Вэнь Наньшу сейчас резко вырвет руку. Зная, каким колючим и раздражительным стал Пэй Юй в последнее время, помощник был уверен: босс взорвётся на месте.

— Господин президент, госпожа, я сам всё куплю. Жаропонижающее и противовоспалительное, я сейчас же дойду до аптеки.

Наньшу обернулся к Пэй Юю. Тот и правда горел; бледные губы лишь подчёркивали непривычную, почти болезненную хрупкость его лица, чей точёный профиль всегда казался безупречным.

В душе Вэнь Наньшу шевельнулось бессилие. Стена, которую он так долго и упорно возводил вокруг своего сердца, дала трещину, и сквозь неё хлынули накопленные чувства — солёные и горькие, как морская вода.

— ...Тогда прошу вас, помощник Хэ. Не берите амоксициллин, лучше купите рокситромицин в капсулах.

— Что вы, госпожа, не стоит благодарности. Я всё запомнил.

Когда Хэ Цзи вернулся с лекарствами и вошёл в комнату, ему на мгновение показалось, будто время здесь замерло. Пэй Юй и Наньшу сидели в тех же позах, что и четверть часа назад, словно не пошевелившись ни на миллиметр.

Стараясь лишний раз не поднимать глаз, помощник оставил таблетки и стакан воды на тумбочке и тактично удалился.

Наньшу снова присел на край кровати. Он поочерёдно брал упаковки, купленные Хэ Цзи, и

дважды перечитал инструкции, проверяя, нет ли в составе компонентов, на которые у Пэй Юя могла быть аллергия.

— Выпей лекарство.

— Покорми меня.

Пэй Юй не отрываясь смотрел, как Наньшу возится с таблетками, и в его душе воцарился мимолётный покой. Его и правда свалил жар. Изнурительные рабочие поездки в Европу не смогли его сломить, но тяжесть в груди — целый ворох острых камней, впивающихся в сердце при каждом вдохе — в конце концов раздавила его.

Он так и остался сидеть, прислонившись к изголовью. В его глазах лопнули сосуды, окрасив белки в красный цвет — то ли от лихорадки, то ли от хронического недосыпа. Сейчас он походил на раненого зверя, который, несмотря на боль, продолжает гнуть свою линию.

Вэнь Наньшу заставил себя не смотреть на него, запрещая себе чувствовать жалость. Отводя взгляд, он сделал вид, что уходит:

— Не хочешь пить — поедem в больницу.

— Наньшу!..

Пэй Юй сдался. Он приподнялся, отбрасывая в сторону галстук и расстегивая ворот сорочки. Из-за жара его кожа, всегда чутко реагирующая на недомогания, пошла красными пятнами, особенно в области груди.

— ...Я выпью.

Словно испугавшись, что его покорность выглядит слишком очевидной, Пэй Юй отвернулся. Он даже не взглянул на дозировку — просто высыпал на ладонь несколько таблеток, закинул их в рот и запил водой. При этом он так и не выпустил руку Наньшу, а тот сделал вид, что не заметил этого.

— ...Почему с тех пор, как я вернулся из Европы, ты стал таким? — голос Пэй Юя звучал так, будто он долго кричал в пустыне.

«Почему? — горько усмехнулся про себя Наньшу. — Наверное, потому, что в тот момент, когда он один лежал на операционном столе и врачи не могли найти его близких, чтобы подписать бумаги, Пэй Юй в торговом центре оплачивал счета своих любовников»

И вот теперь Пэй Юй лежит здесь с обычной простудой, а Наньшу снова колеблется, не в силах

просто развернуться и уйти. Одна мимолетная слабость — и он снова не может оставить его одного.

— ...Я устал.

В отношениях нет слов страшнее и безнадежнее этих трёх. В них — итог всех разочарований и вздохов. Они разом перечеркивают всё то, что копилось годами, оставляя того, кто хочет всё вернуть, в полном бессилии, подобно загнанному зверю.

— Наньшу, я знаю, что тебя задевает. Эти сплетни в газетах — половина из них выдумки папарацци. У меня много деловых встреч, они нарочно выбирают такие ракурсы, чтобы придумывать громких заголовков. А мелкие звёздочки только и мечтают прославиться за мой счёт. В этих новостях правды — кот наплакал, я имен многих даже не помню, как у меня могло быть с ними что-то серьёзное? Раньше мне было просто лень с этим разбираться. Но если ты больше не хочешь этого видеть, я обещаю: в сети не появится ни единой строчки.

Пэй Юй выпалил на одном дыхании:

— ...И не только в новостях. Рядом со мной больше никого не будет.

Сейчас он был готов на любые условия. Он бы пообещал что угодно, лишь бы Наньшу не уходил. Если тот снова заговорит о разводе, Пэй Юй по-настоящему сойдёт с ума.

Наньшу был рядом с ним двенадцать лет, со школьной скамьи. И только теперь, после его ухода, Пэй Юй осознал: на подсознательном уровне он всегда считал, что Наньшу будет принадлежать ему вечно. Он даже задумывался о детях — как он мог вообще допустить мысль о разводе? Любовь Вэнь Наньшу давно стала частью его жизни, его второй душой. Он не позволит ему уйти. Это всё равно что вырвать собственное ребро.

— Пэй Юй, ты винишь папарацци и жадных до славы звёздочек. Но разве папарацци ложились с тобой в постель? Если бы ты сразу давал им отпор, разве хватило бы у них смелости шантажировать тебя?

— Почему ты никогда не признаёшь своих ошибок? Даже тот звонок ты свалил на другого. Но ведь все эти решения принимал ты сам. Неужели ты думаешь, что за все эти годы Ци Жобай был единственным, у кого ты оставался на ночь?

Наньшу редко говорил с ним в таком тоне — словно отчитывал напроказившего ребёнка. Пэй Юю было невыносимо это слушать, но он не смел перебить. Каждое слово жгло, точно его, совершившего постыдный поступок, выставили голышом под свет прожекторов.

— ...Но почему ты вечно цепляешься к этому Ци Жобаю? — выдавил он наконец. — Я никогда не собирался отдавать ему то кольцо. Я заказал его для тебя — хотел подарить на какой-нибудь

праздник или когда ты снова на меня обидишься. Мы виделись-то всего пару раз! В Европу он приехал сам, я уже давно разорвал с ним всякую связь. Я никогда не воспринимал его всерьёз... Клянусь, после него никого не было!

И тут же Пэй Юй подозрительно спросил:

— Он что, снова приходил к тебе?! Проклятье, ему что, жизнь надоела?!

Наньшу почувствовал себя так, словно его годами мариновали в вонючем болоте. Когда Пэй Юй говорил такие вещи, он что, ожидал, что Наньшу проявит «благородство законной госпожи»? Казалось, он весь — от внешности до самой души — прогнил и онемел в этой извращённой системе ценностей.

— Пэй Юй, Ци Жобай — лишь один из многих. Те, кого партнеры подкладывали тебе в постель, те, с кем ты развлекался одну ночь или одну неделю... Ты сам сбился со счёта, верно? Но я помню каждого из них лучше тебя. В первый год это был актёр по имени Вэй Цин, во второй — Хэ Ян, на третий появился какой-то дизайнер... Ты возил их на отдых. С одним из них вы даже ездили на Сайпан — туда, где мы снимались для свадебного альбома.

— ...Откуда... когда ты узнал?.. — Имена, слетавшие с губ Наньшу, действительно вызывали в памяти мужчины смутные образы, но больше всего его потрясло другое. Люди, о которых он сам давно забыл, были так детально запечатлены в памяти Вэнь Наньшу.

— Они все приходили ко мне. Приезжали на подаренных тобой машинах, совали мне под нос совместные фото в телефонах или подкарауливали на улице. И говорили они всегда одно и то же: «Освободи место». Должно быть, они не понимали, что моё присутствие или отсутствие для тебя ровным счёта ничего не меняет.

Голос Наньшу был бесцветным. Он повернулся и посмотрел на Пэй Юя. В его обычно кротких глазах больше не было прежней надежды — лишь бесконечная усталость и едкое самопосмешище.

— Когда ко мне пришёл Вэй Цин, это случилось впервые. Ты не представляешь, что я чувствовал, когда он с самодовольным видом расписывал, как хорош ты был в постели. Раньше я знал, что ты любишь погулять с друзьями, но до последнего не верил, что ты пойдёшь на измену. Мы поссорились, и что ты сделал? Ты просто швырнул мне в лицо соглашение о разводе. Разве не ты сказал мне тогда: «Либо терпи, либо проваливай»? Это были твои слова. Чтобы остаться рядом с тобой, я приучил себя не замечать и не чувствовать запаха чужих духов, который ты приносил на своей одежде. Ты ведь даже не знал, что на многие из них у тебя аллергия. Ты приходил пьяным, а я по ночам мазал твою кожу лекарством.

— Я прекрасно знал, что ты только что был с кем-то другим, возможно, вы только что встали из постели, но я просто не мог видеть, как ты мучаешься. Совсем как сегодня. Ци Жобай — лишь очередное звено в этой цепи, и я знаю, что он не стал бы последним. Больше я не хочу тратить свою жизнь на роль госпожи Пэй. Когда-то это было моей мечтой, теперь это — моя тюрьма.

Пэй Юй не мог больше этого слушать. Его глаза жгло сильнее, чем лоб от лихорадки. В памяти вдруг вспыхнула яркая, болезненная картина: тот вечер, когда он бросил Наньшу бумаги о разводе, и Наньшу, плачущий, ссутулившийся, пытающийся обхватить себя руками за плечи.

Сколько боли он ему причинил? Никто не бывает круглым дураком, просто все эти годы он сам относился к Вэнь Наньшу как к дурачку.

В горле Пэй Юя запершило, словно он наглотался едкой краски.

— ...Не говори так... Наньшу. Я всё исправлю. Проси чего хочешь, я всё отдам...

Он резко поднялся и крепко обнял Наньшу, не в силах сдержаться.

— ...Я признаю свою вину. Но поверь мне, я никогда ничего к ним не чувствовал. Ни капли. Я просто думал... думал, что ты всегда будешь ждать меня дома... Скажи, как мне загладить вину? Я не могу без тебя. Без тебя вся моя жизнь катится под откос, всё перевернулось. Эти дни были невыносимы, я не мог нормально есть... Твои слова о том, что ты больше не любишь меня... я не мог спать из-за них всю ночь...

Пэй Юй взял руку Наньшу и прижал её к своей горячей груди.

— Здесь очень больно... Наньшу, ты любил меня столько лет. Ты же знаешь, какой я. Ты не можешь просто так уйти. Раньше ты переживал, даже если я просто царапал колено, ты ведь не допустишь, чтобы мне было так больно сейчас, правда?..

Пэй Юй прижался губами к шее Наньшу, словно ребёнок, который долго блуждал по улицам и наконец нашёл руку того, кто его всегда водил. Но он чувствовал, как тело мужчины под его руками одеревенело.

Наньшу не обнял его в ответ. Его тело, так сильно похудевшее за последнее время, казалось намного холоднее, чем Пэй Юй мог себе представить.